

Не тестом единым

Поможет ли зарубежный опыт исправить ошибки Единого государственного экзамена

ЕЛЕНА ЛОРИЯ

Многочисленные скандалы, сопровождавшие ЕГЭ-2013, возможно, изменят ситуацию с итоговым тестированием. Президент Владимир Путин рекомендовал Министерству образования и науки проанализировать ситуацию и предложить пути ее исправления. Глава ведомства Дмитрий Ливанов уже заявил, что принято принципиальное решение о реформировании вступительной кампании. Минобрнауки начало сбор предложений по реформированию ЕГЭ. Между тем другие страны уже пытались реализовать образовательные идеи, которые обсуждаются у нас сегодня, — и их результаты вполне можно анализировать.

В конце августа Комитет Госдумы РФ по образованию выступил с инициативой замены ЕГЭ традиционными экзаменами. Депутаты подгото-

Спустя 12 лет стало окончательно ясно, что ЕГЭ в нынешнем виде не устраивает никого

вили поправки в закон «Об образовании», который вступил в силу с 1 сентября. Они предлагают сделать сдачу ЕГЭ добровольной, а также изменить экзамены по гуманитарным предметам (история, литература, обществознание и география). Ну и включить литературу в список обязательных для сдачи предметов. Такая реакция власти лишний раз подтверждает, что ЕГЭ зашел в тупик. Спустя 12 лет (первые тесты ЕГЭ российские школьники сдавали в 2001 году) стало окончательно ясно, что единый госэкзамен в нынешнем виде не устраивает никого — ни самих выпускников, ни школу, ни вузы. Он, к сожалению, не выполняет главную свою функцию — объективную оценку знаний школьников, превратившись в тест не на знание математики или русского, а в тест на умение сдать сам тест, т.е. ЕГЭ.

«ЕГЭ — это как погода. Он введен, он действует, но, так же как и в погоде, в нем есть плюсы и минусы, — говорит директор столичной школы для одаренных детей “Интеллектуал” Юрий Тихорский. — Есть такая фраза туристическая: “не бывает плохой погоды, бывает плохое снаряжение”. Главное наше снаряжение — умение научить детей. И если дети образованы, то ЕГЭ для них не проблема».

Совпадение или нет, но в этом году сразу несколько моих знакомых выпускников столичных школ поступали в американские вузы. Причем подготовка к поступлению началась задолго до экзаменов. Один абитуриент (ныне уже студент Университета Южной Флориды) весь прошлый учебный год ходил к репетитору, который готовил его по математике.

«Да, у меня сильная школа. Но даже у нас сейчас натаскивают только на ЕГЭ. Мне же нужна математика, которая серьезно выходит за рамки школьной программы. Более того, я специально ушел после девятого класса в экстернат, чтобы на год раньше сдать ЕГЭ, — делится Георгий Л. — Мало ли как сложится — вдруг плохо сдам, и тогда у меня еще будет в запасе один год до армии. А если сдавать впритык, после 11 класса, то это лотерея. Низкие баллы по ЕГЭ автоматом означают армию».

Другая приятельница за два года до окончания школы отправила свою дочь в американскую частную школу: «Моей дочери нужны знания. Что толку от того, что ее натакают на ЕГЭ? В хорошем университете этих знаний недостаточно. Нанимать по каждому предмету университетского репетитора? Так учеба в американской школе обошлась мне почти в ту же сумму!»

В этом году, как утверждают эксперты, очень многие сильные выпускники, среди которых победители всероссийских и международных олимпиад, остались за бортом высшего образования. Они, честно (и хорошо!) сдав тест, просто не набрали необходимого балла для поступления на бюджетные отделения вузов. Их места заняли те, кто, не стеснясь, воспользовался ответами, выложенными в Интернете за несколько дней до экзамена.

Изменить ситуацию можно, присмотревшись к опыту других стран, где тестирование проводится уже не первое столетие.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ И НЕПРЕДВЗЯТЫЙ

«Система тестирования в том или ином виде используется во многих странах. Но в России она была введена в одном из наиболее жестких вариантов», — убежден первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке Олег Смолин.

В ряде государств при приеме в высшие учебные заведения наряду с единым государственным экзаменом учитываются и многие другие показатели, а вуз в итоге сам решает, кого ему принимать в свои стены.

«Более того, существуют страны, где применяются два вида единого государственного экзамена (или национального тестирования). Один — для оканчивающих школу, другой — для поступающих в вузы», — поясняет Смолин.

Сейчас перед специалистами Министерства образования и науки стоит непростая задача — глубоко проанализировать мировой опыт и, отбросив все лишнее, перенести полезные вещи на российскую почву.

Пионеры в проверке знаний школьников с помощью тестов — США. В этой стране сегодня тест SAT проходят не только американские школьники, но и иностранцы — те, кто намерен учиться в одном из вузов США, и те, кто просто хочет проверить свои знания.

SAT Reasoning Test (а также Scholastic Aptitude Test и Scholastic Assessment Test, дословно — Академический оценочный тест) разрабатывается и управляется некоммерческой организацией College Board. Впервые он был введен в 1901 году, с тех пор не раз менял название и систему подсчета баллов.

Американцы учились на собственных ошибках, подстраивались под новые требования и время от времени реформировали SAT.

В США есть еще один тест — АСТ, который создавался как конкурент SAT. ACT (American College Testing, или Американское тестирование) — стандартизованный тест для поступления в колледжи и университеты США, а также при переводе из одного вуза в другой. Впервые был проведен в ноябре 1959 года Эвереттом Линдквистом.

АСТ состоит из четырех частей: английский, чтение, математика и научное рассуждение. Все

колледжи и университеты с четырьмя годами обучения принимают результаты АСТ, но некоторые из них могут потребовать и дополнительные сведения об успеваемости.

«По моему глубокому убеждению, SAT — это самая гуманная, справедливая и щадящая форма сдачи выпускных экзаменов, — говорит Альмира Акишева, чья дочь в этом году стала студенткой Калифорнийского университета. — Начать хотя бы с того, что этот тест — не выпускные экзамены в российском понимании, когда ребенок одновременно садится и сдает экзамен, зная, что это первая и последняя попытка. Если дрогнет рука, то все пропало, прощай вуз. В Америке таких ужасов нет. SAT дети могут сдавать сколько угодно раз и когда угодно. Учатся здесь 12 лет, и начиная с девятого класса, т.е. еще за три года до окончания школы, ты можешь сдавать SAT, пробовать себя. Просто бесплатная сдача только раз в год. За остальные надо заплатить около 80 долл.»

НЕПРОХОДНОЙ БАЛЛ

Американский тест SAT задумывался как дополнение к школьному среднему баллу, поскольку в заокеанских школах разные программы, аттестации и уровни сложности обучения.

«Вообще неудивительно, что тесты возникли именно в США, — говорит Дмитрий Шноль,

Тест SAT задумывался в Америке как дополнение к школьному среднему баллу, поскольку в заокеанских школах разные программы, аттестации и уровни сложности обучения. Его можно пересдавать несколько раз

преподаватель математики и один из составителей контрольно-измерительных материалов для ЕГЭ по математике (так называемые КИМы). — В Штатах все помешаны на справедливости — если американцам кажется, что их необъективно оценили или не так полечили, то они идут в суд. Это оборотная сторона того, что ты очень защищен с правовой точки зрения. А экзамен всегда необъективен! И что делает учитель, чтобы избежать обвинений в необъективности? Он раздает всем одинаковые листочки с заданием».

Американский SAT состоит из трех разделов: анализ текста, математика и письмо. Каждый из них дает от 200 до 800 баллов. Тест длится около четырех часов. Специальных центров для сдачи SAT нет. В районах есть, как правило, несколько крупных общеобразовательных школ, куда в определенный день приходят дети со всей округи.

Впервые SAT был сдан в 1901 году 973 студентами в 67 местах в США и двумя студентами в Европе. Около 60% сдавших тест поступили в Университет Колумбии. Тест содержал разделы на английском, французском, немецком, латинском и греческом языках, а также по истории, математике, химии и физике.

Первая реформа теста была проведена через четверть века — 23 июня 1926 года он стал называться Scholastic Aptitude Test (Тест школьных способностей). Его уже сдавали более 8 тыс. студентов. На 315 вопросов теста отводилось 90 минут. Больше четверти успешно сдавших поступили в Йельский университет и Колледж Смита.

Затем, начиная с 1928 года и до 2005 года, тест SAT менялся множество раз. Увеличивалось время, отпущенное на прохождение теста, убиралась и вновь вводилась испытания по математике, сокращались лингвистические разделы, и даже менялась система подсчета баллов. Самые серьезные изменения произошли в 2005 году.

Ситуация на тот момент в Америке напоминала нынешнюю российскую — происходил ежегодный рост результатов SAT, притом что качественного повышения уровня образования не было. И тогда было решено усложнить SAT. Был введен письменный тест (с эссе), который был заимствован из SAT Subject Test, для оценки сочинительских способностей студента. А математическую часть расширили до программы трех лет школы высшей математики.

Российский ЕГЭ за 12 лет тоже претерпел изменения. В частности, по математике в течение четырех лет выпускнику, чтобы получить «тройку», достаточно было решить три задачи. В последние два года, чтобы заслужить эту оценку, надо решить уже пять задач из двадцати. Более того, новая команда, составляющая КИМы по математике, пришедшая четыре года назад, добилась исключения из ЕГЭ по математике вопросов с выбором ответов в части «А», т.е. избавилась от «угадайки».

Но несмотря на все происходящие изменения, один момент принципиально отличает SAT от ЕГЭ — этого теста, даже и блестяще написанного, порой совсем недостаточно для поступления в вуз. В России, даже учитывая, что крупные вузы типа МГУ проводят внутренние испытания, ЕГЭ остается решающим фактором при поступлении. И в этом кроется вся трагедия всероссийского теста.

РАЗДЕЛЯТЬ И ВЫБИРАТЬ

Изначально ЕГЭ преследовал две цели. Первая — сделать итоговый выпускной экзамен независимым от школы. Вторая — дать возможность жителям провинции поступать в крупнейшие вузы страны. Но один из коренных недостатков нашего ЕГЭ состоит в том, что в одном экзамене заложены две задачи — проверить, достаточно ли ты получил знаний в рамках средней школы, и одновременно выяснить, готов ли ты для поступления в вуз.

И эксперты твердят в один голос: надо разводить два теста — итоговый школьный и тест для поступления в вузы.

«К примеру, в Турции существуют два вида тестов, которые никоим образом не дублируют друг друга, поскольку имеют разный уровень, — рассказывает депутат Смолин. — Когда вы сдаете единый государственный экзамен в Турции за школу, то вы сдаете его по целому набору предметов. Таким образом определяется общий уровень детей по всем предметам школьной программы. Когда же вы сдаете тест по нескольким предметам для поступления в вуз, то у юристов, к примеру, один набор предметов (история, общественные науки и язык), у математиков — другой».

По мнению собеседника «МП», у «раздвоенной» системы есть определенные преимущества по сравнению с нашей. Эта идея постепенно находит все больше сторонников в правительстве: в последнее время министр образования Дмитрий Ливанов и представители Общественной палаты чаще говорят о том, что в России нужно ввести уровни ЕГЭ для тех, кто собирается в вуз, и для всех остальных.

«По результатам ЕГЭ я не могу проверить ход мысли ребенка. Я могу только сказать, прочитал он школьный учебник или нет. Чем менее точна наука, тем тяжелее проверять знания тестом, — говорит Михаил Гантман, преподаватель химии и заместитель директора столичной школы «Интеллектуал». — На многие вопросы есть два уровня ответа — ответ для того, кто, к примеру, знает химию на базовом уровне, и для того, кто знает ее гораздо лучше. Раньше в тестах ЕГЭ даже были такие вопросы, что на них правильно отвечал тот, кто хуже знает химию. Точнее, знает, но в рамках школьного учебника. И, кстати, если школьник справляется с ЕГЭ, то это совершенно не означает, что на первом курсе ему будет легко».

*Эксперты твердят
в один голос: надо
разводить два теста —
итоговый школьный
и тест для поступления
в вузы*

За 12 лет существования в России ЕГЭ самой пострадавшей стороной в треугольнике «учебник — школа — вуз» стали высшие учебные заведения.

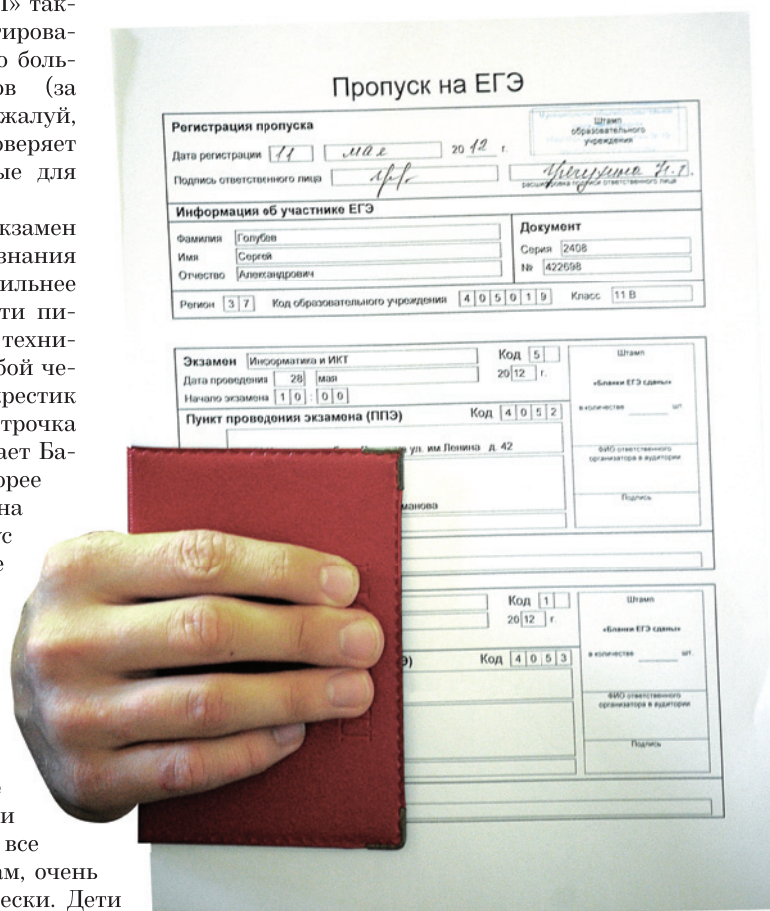
«Как только в МГУ начался прием по ЕГЭ, резко упал уровень знаний студентов, — жалуется кандидат педагогических наук, автор учебников по химии Елена Батаева. — Мы проводили опрос для студентов и преподавателей. Студентов стал удивлять вопрос “почему?”. Спрашиваешь у студента: “Почему вы так считаете, как объясняете?” Первая реакция — ступор». По мнению Батаевой, это говорит о том, что подготовка к ЕГЭ просто вымывает из образования вопрос «почему?». А это самый важный вопрос образования.

Собеседница «МП» также уверена, что тестирование в форме ЕГЭ по большинству предметов (за исключением, пожалуй, математики) не проверяет знания, необходимые для учебы в вузе.

«Единый госэкзамен реально проверяет знания на уровне “чуть сильнее базы”. При этом дети пишут его на уровне технической ошибки. Любой человек ошибается, крестик не там поставил, строчка сползла, — утверждает Батаева. — Даже я скорее всего напишу не на 100, а на 100 минус одна ошибка. И все сильные дети так пишут. Но и слабые дети пишут ЕГЭ примерно так же. ЕГЭ не дифференцирует верхушку. А тесты на соответствие, где есть пункты “а”, “б” и “в” и цифры и надо все расставить по местам, очень сложны психологически. Дети легко рисуют на схеме, как и что должно быть. Но при переносе возникает огромное количество ошибок».

«Вообще, творческие дети менее склонны выполнять вот такие формальные задания. В итоге сильные дети просто не поступают в вузы, потому что не смогли справиться с ЕГЭ», — подтверждает психолог Римма Галеева.

В США такая ситуация просто невозможна, поскольку престижные университеты сами устанавливают правила приема.

СУБЪЕКТИВНО, НО ЧЕСТНО

Есть такой исторический анекдот. Когда систему SAT вводили в Америке, поспорили два ректора — Гарварда и Принстона. Ректор Принстона сказал: «Что делается? Теперь в университет не поступят дети спонсоров!» На что ректор Гарварда ответил: «А вы сделайте прием не по верхней планке, а по нижней».

В реальности для поступления в тот же Гарвард (впрочем, как и во все университеты Лиги плюща) SAT абсолютно недостаточен. Там очень субъективный прием, но они могут себе это позволить — вручную проверять эссе, проводить собеседования, долго и внимательно рассматривать каждого поступающего. Потому что студент Гарварда — это штучный товар, и никакой SAT не в состоянии «разглядеть» достойного претендента.

К тому же есть еще один момент — в Америке ни у кого не возникает сомнений в том, что отбор в Гарвард хоть и субъективен, но честен. А в России никто и мысли не может допустить, что субъективный прием может быть справедливым.

«Университеты смотрят на ребенка в целом, на то, как он учился в школе все годы. Смотрят на итоги SAT, на так называемый GPA — он каждый год сложено складывается по итогам учебы в школе. У моей дочери был самый высокий из всех возможных для ее школы — 4 балла. А у одного из ее одноклассников, например, был 0,2. В других школах дети могут добиться и 4,5. Но для этого в школе должны предлагаться определенного вида классы повышенной сложности, — рассказывает Альмира Акишева. —

И еще: GPA и SAT могут быть не очень впечатляющими, но если ты суперигрок в футбол, тебя возьмут в хороший вуз. Прямо как было в СССР. Еще такая вещь — общественная работа. Если ты член, к примеру, школьного правительства, то у тебя много шансов на хороший вуз. Важна и рекомендация школы. Ты можешь попросить директора, отдельных учителей дать тебе рекомендацию. Они сами отсылают свои рекомендации в вуз, ученик их не видит».

НАЙТИ ЦЕЛЬ

Побочным эффектом от введения ЕГЭ стало снижение качества образования. Педагоги честно признаются, что сейчас они учат не предмету, а сдавать ЕГЭ. Ни дети, ни учителя уже не интересуются тем, что не имеет утилитарного значения. Этой темы нет в ЕГЭ? Значит, и проходить ее необязательно. Более того, ЕГЭ обнажил еще одну глобальную проблему, которая никак с ним не связана напрямую: в современной России утрачена цель образования.

«Вся массовая школа — это просвещенческий проект XVIII века. Знание — это хорошо, это свет, и т.д. Но просвещенческий проект к концу XX века закончился. Стало ясно, что знать можно сколько

**ЕГЭ
показал,
что в
современной
России
утрачена цель
образования**

угодно, но жить будет непросто. А мы по-прежнему учим так, как нам завещал Дидро, — говорит Дмитрий Шноль. — У нас нет цели образования. Прошел некий социальный перелом — а цель образования не сменилась. И пока этого не произошло, говорить о ЕГЭ и его реформировании, конечно, можно. Но бесполезно. Ну а если возвращаться к ЕГЭ, то, конечно, должны быть разные уровни тестирования — для поступающих в вузы и для всех остальных. Технически это сделать несложно, но политическое решение не могут принять уже больше десятилетия.

Если высшее образование перестанет быть самоцелью, если школьник не будет идти в вуз лишь ради «корочки», то у нас не будет парикмахеров с дипломами юристов. А образование опять обретет ценность». **МП**